

Диагноз "доктора Чехова"

Сошлись в Челябинске три постановки "Дяди Вани"

Не счесть алмазов
в каменных пещерах.
Время от времени гирлянды
их то там, то здесь
"просветы в небо,
что окна", выходят
на поверхность, загораясь
гирляндами непохожих
постановок. Так случилось,
сошлись у нас в городе
на границе двух сезонов
один за другим три решения
старой пьесы.

Осенние несбывшиеся надежды

Спектакль Виктора Шраймана в Магнитогорском драмтеатре им. Пушкина — концептуально режиссерский: авторский текст здесь приносится в жертву его оригинальным идеям. Шрайман не то чтобы радикально экспериментирует с классикой, но пытается вписать Чехову еще один современный нерв: его интересует проблематика коллективных тел, знакового явления эпохи массового общества. Для этого вводятся необозначенные драматургом активно действующие лица — светлая массовка, одетая в зеленые (лакейские что ли?) одежды. Время от времени она заполняет сцену, паясничает и кривляется, дразнится. Потом на время постановки о них забывает, но вскоре "зеленый шум" появляется вновь. Вязкое, тягучее вещество массовки связывает персонажей по рукам и ногам в единое многоголовое чудовище, единый организм. Вот и проблемы у всех у них общие. Одна на всех. Всем нужно небо в алмазах.

Бессловесная тусовка подчеркивает странность отношений самих персонажей, точно не знающих еще всю правду о себе, и оттого примеряющих разные лица и маски. Поэтому большая, занимающая основное пространство веранда более похожа на эстраду летнего театра. Взабегая на ее мощнейший помост, чеховские герои разыгрывают спектакль в спектакле. О невозможности простых и искренних отношений.

Иное дело — дуэты и сольные партии: для них артисты выходят на авансцену. Там без подлорок извне привнесенного они, докторы и вампиры, обретают внутреннее единство и сосредоточенность. И барственный профессор Серебряков (Сайдо Курбанов), и суховатый, изможденный дядя Ваня, "барин облезлый" (Игорь Краченко), и шаржированная маман (Лидия Одаренко), и растерянная, лишенная харизмы Елена (Елена Ерина), и — особенно — сильная и чистая Соня (Анна Дашук / Юлия Нижегородская). Реплики равномерно распределены между всеми, не важно, кто их произносит. В финале вместе шлепного пути снег. Трагедия состоится при любой погоде.

Драма мужчин среднего возраста

По выходе критики отмечали "кинематографичность" постановки "Дяди Вани" в Малом театре. Ну, ра-

зумеется, какие ассоциации может вызвать спектакль, поставленный Сергеем Соловьевым? Между тем от сугубо кинематографического тут немного — тщательно высветимый прожектором в прологе каждого акта осенний букет. И вправду очень красиво. Хотя и не совсем в "темноту". Как и виолончель в руках Войничского. Впрочем, это все так и остается "складками на поверхности", не слишком затрагивая сути традиционного прочтения пьесы. Акценты расставлены самые что ни на есть школьно-учебные: Россия — родина, смерть неизбежна.

Малый очередной раз выступает в амплуа машины времени, переносит нас в условия "правильного" театра прошлых, даже позапрошлых лет. Декорации Валерия Левентеля тому всячески способствуют: стог сена в глубине, колоннада обедневшего гнезда, в меру подробная веранда... Да, по духу и антуражу это очень михайловский спектакль (а каким еще мог быть Чехов в цитадели русской традиции?).

Впрочем, есть нечто, противоречащее установкам школы: этот "Дядя Ваня" напроць лишен ансамбля и поставлен как бенедикс пары братьев Соломиных. Видно, заметно — только их, остальные, остальные убраны в тень, ступеваны. Скажем, в работах театров из Магнитогорска и Челябинска роль Марии Васильевны превращена в протесковую клоуну. Тут же маман почти не видна. Протагонистов сюжета Соловьев выводит едва ли не на авансцену. Исподволь возникает эстетика эстрадной репризы: текст не проговаривается, но подается, продается, как, скажем, в Ленком. Действие организует соперничество двух этих персонажей, каждый из которых существует в особом мире и даже при наличии общих сцен они вообще не общаются! Астров (Виталий Соломин) берет публику объяснением, Войничский (Юрий Соломин) — глубиной и проникновенностью страдания. Если кит со спонсом сойдется, кто кого поборет? В лучшем случае победит дружба.

Между тем отсутствие гармоничного, уравновешенного ансамбля тоже ведь можно принять за прием — звенящая пустота зависит меж разобщенных жителей сцены. Чехов лишается объемного симфонического звучания сплетенных в жгут судеб; вместо этого — экзистенциальная драма стареющих, но не лишенных эротического огонька мужчин. Выходит не Чехов, но Бунин периода "Темных аллея". Поэтому романс Исаака Шварца на его стихи звучит кстати:

И цветы, и шмели,
и трава, и колосья,
и лазурь, и полуденный зной...
Срок настанет — Господь сына
блудного спросит:
"Был ли счастливым ты
в жизни земной?"

Алмазы — навсегда

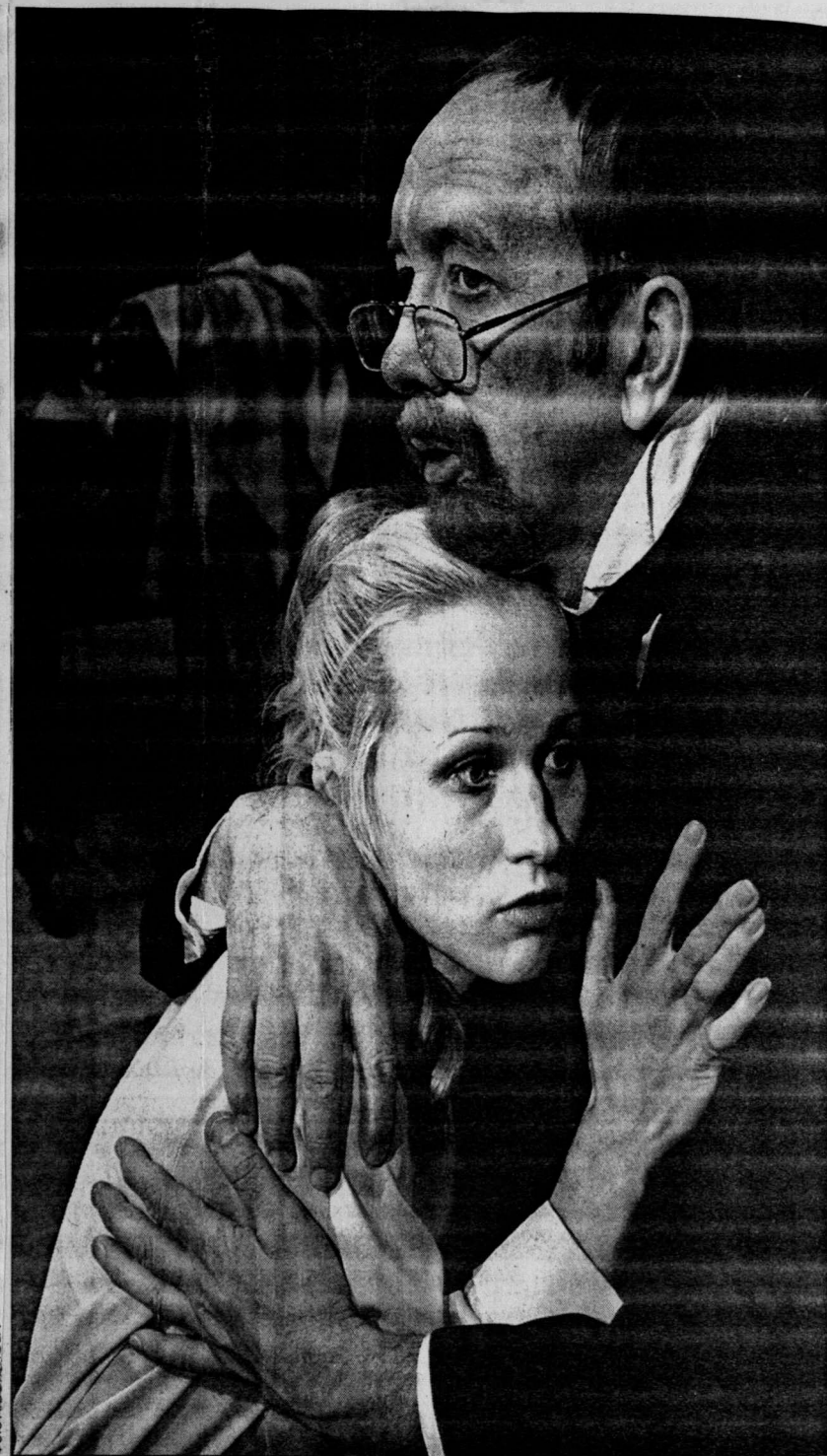
Главеиз Челябинского театра драмы Наум Орлов ставит своего "Дядю Ваню", полностью растворяясь в актерях. Букет ансамбля снимает минимальное насилие концепции над текстом: Орлов выражает

эт спектакль органическим образом, поливая его подступными чеховскими мотивами, сдвигая актерскими индивидуальностями. Вот жители его и лишены мягкотелого обаяния, трепетной ранимости. Режиссер идет вслед за "доктором Чеховым", вскрывая душевные гноихники провинциальной жизни, заштатных ее обывателей.

Камерная история рассказана в духе телефильмов Бергмана: психоанализ и легкий налет метафизики, иррациональность взаимоотношений. И выступающий из этой неопределенности причин и следствий обыденный какой-то мистицизм. Мы точно присутствуем при выяснении отношений в обыкновенной семье. Поэтому здесь нет персонажей главных и второстепенных — все на равных проживают свой кусок жизни. Потому и не может быть одной на всех истины или морали: у каждого своя правда существования. Орлов избегает соблазна поставить спектакль "про профессора" или "про дядю Ваню". Предметом изучения оказывается неумовное существование жизни, проходящей, как дождь, стороной. Да, жизнь — это не праздники и даже не будни, это фон; то, что происходит, неизбежно уходит куда-то в сторону, мимо. В этом смысле мы обречены: гибнет каждый в одиночку, но тыма на всех одна. Единственная возможность ее преодолеть — вера в Бога, который для них, кажется, очередной раз умер. Серебряков (Леонид Барфоломеев) не может быть убедительнее или "правильнее" Войничского (Сергей Акимов) хотя бы потому, что в исчезновении своем, расставаясь они одинаковы. Вспомним последнюю ремарку.

Ощущение насыщенности, плотности (не полноты) бытия возникает из-за особой проработанности персонажей, обычно относимых к вспомогательным. Именно домашние, Вафля (Виктор Крутяк / Николай Ларионов) и няня Марина (Ольга Сафронова), Войничская (Лилия Бокарева) и Соня (Светлана Илющикоина / Татьяна Горюшкина), оказываются главными хранителями не атмосферы, но фабулы, фундаментом, обеспечивая тылы протагонистам сюжета. Их обязательная задушевность облаком надеждности и уюта накрывает остовы обгоревших и остывших душ, врачует их, дает надежду. Но только на чуть-чуть, когда временно можно отложить решение проблем на потом. Именно поэтому няня обходит сцену с горящей свечой, точно чистит углы, отпугивая всяческую нечисть, читает молитву. Свечи вообще оказываются несущими символами спектакля. Дядя Ваня, подобно герою "Ностальгии" Тарковского, пытается осуществить со свечой "проход" к сути жизни. И, подобно стегановому обручку, сгорает в бесмысленных и безрезультатных боях с самим собой. Вместо неба в алмазах — зола и пепел.

Я свеча, я сгорел на пиру.
Соберите мой воск поутру,
И подкаждите вам эта страница,
Как вам плакать
и чем вам гордиться.

Сцена из спектакля Челябинского театра драмы. Соня — Т.Горюшкина, Дядя Ваня — С.Акимов

От частного к общему: судьба семьи в судьбе страны, общие тенденции, как свет, вода и газ, приходят в каждый дом. Исчерпав общее, пошло к краху и сугубо частное существование. На смену здоровому, розовощеко-оптимистическому позитивизму профессора приходит болезненно-бледный декаданс Войничского. И выливаемые им имена Шопенгауэра и Достоевского звучат как диагноз. Нетрадиционно в спектакле решается и образ Астрова. Борис Петров играет его жестко, намеренно грубо. А чего мож-

но ждать от одинокого, заброшенного в деревню человека? Никаких иллюзий — жизнь такова, какова есть: тяжелая, трудная, беспросветная. Эпоха исчерпалась, а жизнь на этом не заканчивается. И нужно существовать, даже если нельзя. Даже если не можешь. Атлантида привычного образа жизни, традиционного уклада ушла на дно. Только там еще, на самой глубине, нас можно увидеть здоровыми и невраждными: под слова финального монолога Сони подробно теням выходят из разных углов все до одно-

го персонажи пьесы и садятся за общий стол, накрытый посредине сценического пространства. Точно собираются на каком-то уже давно потонушем ковчеге.

Дядя Ваня вновь оказывается живее всех живых. В его саду опять вишни — после "сцен из деревенской жизни" Наум Орлов вырастил свой еще более мизантропический "Вишневый сад", магнитогорцы восстали "Чайку" Валерия Ахадова.

Дмитрий БАВИЛЬСКИЙ